

Над синими силуэтами заречных хребтов, в желторудых просторах рассветного неба, лежали похожие на гигантских рыб сизые облака. По краям облаков играли алые блики — предвестники солнца. От Драгоценки тянул зябкий утренний ветерок.

На выкрашенное охрой, в точёных перилах, крыльцо вышел, позёвывая, сутулый и желтоусый Северьян Улыбин. У него побаливала в это утро пробитая японской пулей нога. Почесав волосатую грудь, повздыхав, грузно протопал он по ступенькам крыльца.

Под крытою камышом поветью, в тени, понуро стояли дремлющие Гнедой и Сивач. У омёта прошлогодней соломы лежали два круторогих быка. На одутловатых бычьих боках холодно поблёскивала роса. Северьян прошёл в сенник. Поплевав в широкие мозолистые ладони, привычно взялся за вилы-тройчатки. Кони подняли головы, оживились. Шумно сопя и отряхиваясь, встали с соломы быки. Там, где они лежали, тоненько вился синий пар.

Пока Северьян кидал им хрусткое, пахнущее мёдом сено, с крыльца спустился в ограду Роман, невысокого роста, смуглый

и круглолицый крепыш. Из-под выцветшей, с жёлтым околышем, старой отцовской фуражки на загорелый Романов лоб выбивалась тёмно-русая прядка чуба. Полуприкрытые ободками длинных и тёмных ресниц, полыхнули озёрной синью его глаза, когда он вприщур поглядел на солнце, встающее из-за хребтов.

Одет был Роман в вышитую колосьями и васильками, много раз стиранную рубаху, туго стянутую наборным ремнём. Широкие, из китайской далембы, штаны были заправлены в ичиги, перевязанные пониже колен ремешками. На концах ремешков болталась пара сплюснутых, с тупыми концами пуль.

Закинув за голову руки, Роман потянулся, улыбаясь неведь чему. Северьян глядел на него и самодовольно покашливал. На мгновение ему показалось, что это стоит и потягивается не Ромка, а он сам, когда ему было девятнадцать лет.

Роман подошёл к столбику коновязи, снял сырмятный недоуздок и оживлённо спросил:

— Куда поедем, пахать или по дрова?

— Нет, — глухо отозвался, пряча ласковую усмешку в усах, Северьян. — Я сегодня у Софрона в кузнице сошник наварю. Договорился я с ним вчерась. А ты поедешь за Машкой. Надо её, паря, из косяка домой пригрудить. Ей ведь вот-вот пора опростаться. Пусть это время дома поболтается, а то как бы жеребёнка не решиться...

У Улыбиных в косяке купца Чепалова гуляла трёхгодовалая кобыла Машка. По расчётам Северьяна, Машка скоро должна была обзавестись потомством. Жеребёнка от неё нетерпеливо ждали в семье все, начиная от деда Андрея и кончая белоголовым семилетком Ганькой. Кобылу водили случать в станичную конюшню с породистым жеребцом-иноходцем. И теперь в беспокойных хозяйских мечтах Улыбины видели себя обладателями резвого иноходца, о котором с завистью и восторгом будут говорить по всей Аргуни.

— На каком коне поеду?

— На Гнедом придётся. Сивач, тот чтой-то на переднюю ногу жалится. Перековать его, однако, надо... Чай пил?

Роман мотнул головой.

— Тогда сгоняй попоить да и отправляйся с Богом. Только смотри, не летай сломя голову. Увижу — семь шкур спущу...

Роман ничего не ответил.

У Драгоценки радостно пахли распутившиеся вербы, гляделся в воду никлый старюка камыш. Вровень с кустами

стался над заводами волнистый туман. На фашинном гребне мельничной плотины в подсученных выше колен штанах стоял Никула Лопатин, низкого роста, скуластый и гололицый, любивший поговорить казак. Роман поздоровался с ним.

— Чего ни свет ни заря поднялся?

— Морда у меня поставлена. Вытаскивать собрался, да вода дюже холодная. Ну, попробую...

Никула перекрестился и побрёл в воду, зябко подрагивая всем телом и тоненько, по-бабьи, вскрикивая.

— А какая тебе неволя мёрзнуть?

— Э, паря, не знаешь ты моей Лукеры! Захотела рыбки — вынь да положь.

Никула ухватился за торчавший из воды берёзовый кол, потянул. Частая, плетённая из таловых прутьев морда вынырнула из воды, медленно кружась на месте.

Никула поднял морду, встряхнул. Гривнами сверкнула в ней рыбья мелочь. Вытащив морду на сухое, вынул из горловины её травяную затычку. В котелок из красной меди посыпались корки хлеба и бисерные гальяны.

— Вот и уха будет, а ты говорил...

Докончить он не успел. Большой табунок чирков со свистом пронёсся над ними и круто упал в камышовой старице. Невнятно всплеснулась в той стороне вода...

— Близо уселись, — по звуку определил Никула. — Надо бы мне дробовик с собой взять! — и вдруг напустился на Романа: — А ты чего стоишь, голова садовая? Я бы на твоём месте живо за ружьём сбегал да и ухлопал парочку.

Роман повернулся на одной ноге и кинулся с плотины, подхватив на бегу слетевшую с головы фуражку.

В кухне, на обитом цветной жостью красном сундуке, переобувался отец. В кути орудовала ухватами и чугунами мать, а дед Андрей с Ганькой сидели за самоваром. Увидев в дверях Романа, все переполошились. Авдотья опрокинула чугунок с водой.

— Что стряслось?

— Утки там... За ружьём я...

— Ну и бешеный, напугал всех. А заряды у тебя припасены?

— Вчера у Тимофея Косых занял.

В горнице на ветвистых рогах изюбра, прибитых к простенку, висел пистонный дробовик. Роман торопливо схватил его и, рассовав по карманам мешочки с порохом и дробью, побежал на речку.

— С той стороны скрадывай. Там место способнее, — махнул Никула рукой на заречье.

По зеленеющим кочкам добрался Роман до старицы. Не жалея штанов и рубахи, пополз на курчавый разлапистый куст черёмухи. Осторожно раздвинув ветви куста, обмер: утки дремали на розовой воде в двадцати, не более, шагах. Трясущимися руками он взвёл курок. Неожиданно для самого себя нажал спуск. Широко развернув перебитые крылья, четыре утки ткнулись зелёными клювами в воду, медленное течение закружило их.

В ограде Роман встретил отца, тот полюбовался на уток, похвалил:

— Молодцом, молодцом... Неужто с одного заряда своротил?

— С одного.

— Силён, значит. Мог бы при случае и с Васюхой потягаться, будь он у нас дома. Охотник он тоже завзятый был, по праздникам с утра до вечера на озёрах пропадал, — вздохнув от нахлынувших воспоминаний, Северьян сказал: — Давай я твоих уток матери отнесу, похвастаюсь. А ты седлайся да поезжай.

Роман достал из амбара казачье седло с бронзовыми инициалами отца на передней луке, смахнул с него веником мучной бус, набил в седельную подушку ветоши и стал седлать Гнедого. Когда, поигрывая витой нагайкой, выезжал из ограды, Северьян распахнул окно, навалился грудью на подоконник и хрипло крикнул:

— Помни, Ромка, о чём мой сказ был, а то лучше глаз домой не кажи!

— Ладно, — отозвался сын и огрел Гнедого нагайкой.

За Драгоценку, на выгон, он поехал не сразу. Крупным аллюром, избоченясь в седле, промчался через всю Подгорную улицу. Нагайкой отбивался от рослых свирепых собак. С остервенелым лаем выбегали они на дорогу, норовили схватить Гнедого за ноги. Только проехав училище и голубую нарядную церковь на бутре у ключа, свернул в проулок.

...У Драгоценки, на берегу, босоногие девки в высоко подобранных юбках толкли в деревянных, похожих на большие рюмки ступах пшеницу, которую тут же полоскали решётами в речке и сушили на полосатых холстинах. Около телеги с поднятыми вверх оглоблями обливался молочным паром начищенный до блеска пузатый полуторавёдерный самовар. Высокая сторбленная старуха в малиновом повойнике суетилась

у телеги. Она выкладывала из берестяных турсуков на махровую скатерть пышные булки, узорчатые фаянсовые стаканы, блюда и туюски с молоком.

— Бог на помощь! — набравшись смелости, поприветствовал девок Роман, небрежно похлопывая нагайкой по голенищу.

Девки дружно, наперебой защебетали:

— Заезжай к нам, чаем попотчуем.

— Некогда, а то бы с удовольствием.

— Да ты постой, постой, — бежала к нему Дашутка Козулина, румяная, туго сбитая деваха с карими насмешливыми глазами.

Она придерживала на бегу длинную каштановую косу, переброшенную на грудь, и смеялась, показывая влажно блестящие на солнце зубы.

Роман натянул поводья, остановился.

— Что за дело у тебя ко мне завелось? — скрывая внезапно охватившую его радость, с напускным безразличием спросил Роман, давно отличавший Дашутку из всех поселковых девчат.

— Да уж завелось. Слезай с коня, на ухо скажу... — сыпала торопливым говорком Дашутка, и в больших глазах её посверкивали озорные искорки.

— Не глухой, с коня услышу. Сказывай, а то мне ехать надо.

— Да ты постой, постой.

— Вот ещё, стану я стоять, — недовольно говорил Роман, а сам потуже натягивал поводья, не собираясь уезжать.

Дашутка схватила Гнедого за поводья, повисла на них. «Вот зараза», — восхищённо глядел на неё сразу вспотевший Роман и не заметил, как с другой стороны подкралась к нему с ведром воды Агапка Лопатина. Ловко размахнувшись, окатила она Романа с головы до ног. Гнедой, словно попала ему под седло колючка, яростно взмыл на дыбы и понёс. Роман едва удержался в седле.

— Ах, так вот вы как? — разобиделся он на девок. — Теперь я с вами разделаюсь. А с тобой, Дашка, с первой.

Он низко пригнулся к луке, пронзительно гикнул и в налёт полетел на девок. Они с визгом и хохотом бросились в кусты. Самые отчаянные отбивались от него хворостинами и пестами, плескали в морду Гнедому воду. Но, минуя их, Роман гнался за Дашуткой. Она бежала к заброшенной мельнице, и коса её билась по ветру. У самого мельничного колеса он догнал её, схватил за руку. Дашутка, тяжело дыша, обернулась.

Он с силой рванул её к себе, так что треснула на ней сарпинговая кофта, нагнулся, обхватил поперёк и кинул в своё седло.

— Попалась, голуба! Теперь я тебя купать буду.

Он двинул Гнедого ичигом в бок, с крутого берега съехал в воду. Дашутка, всхлипывая, закрывая платком глаза, билась в его руках. И нельзя было понять — плачет она или смеётся. Роман, зачерпнув в ладонь воды, вылил её Дашутке на шею. Она ахнула и стала просить:

— Отпусти, Ромка. С тобой пошутили, а ты взаправду. Шуток не понимаешь, — она рванулась и поняла, что не вырваться. — Да отпусти же, леший! Кому говорят?

— Не отпущу... Перепугалась небось? — заглядывал он ей в глаза и, забыв про обиду, довольно посмеивался.

— Чуть руку не оторвал мне, — жаловалась, прижимаясь к нему, Дашутка. — Да что же ты меня держишь? Сейчас же отпусти!..

Роману хотелось её поцеловать, но, испугавшись своего желания, он поторопился выехать на берег и спустил Дашутку на землю.

Не оглядываясь, поехал он в бугор. Выжимая на берегу замоченную в речке юбку, Дашутка бросила вдогонку:

— Эх, Ромка, Ромка, худой из тебя казак!

— Ладно, в другой раз не попадайся.

— Не попадусь. А попадусь, так вырваться — раз плюнуть.

— Посмотрим, — прыгнув с седла, ответил Ромка.

Пока подтягивал чуть ослабевшие подпруги, слышал, как потешались девки над Дашуткой.

— За что это он тебя пожалел, не выкупал?

— Откупилась, поди, чем-то?

— И как он её, такую колоду, на седло вскинул!

Дашутка со смехом отшучивалась:

— Как же, стану я откупаться. Не на такую напал.

— А пошто не вырывалась?

— Вырвешься от такого, как же. Он мне все кости чуть не переломал...

— Будет вам, халды!.. Раскудахтались. Работа-то ведь стоит, — оборвал девичью весёлую перепалку скрипучий голос.

И сразу же тупо и мерно застучали песты, зашумела в рёшетах пшеница.